

Читайте в серии
«ЛЮБЛЮ ТЕБЯ НЕНАВИДЕТЬ»:

Мария Зайцева
«Играй в тебя»

МАРИЯ ЗАЙЦЕВА

Усрачь
в тебья

**LIKE
BOOK**

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-17

Иллюстрация на обложке Voxalite
Художественное оформление
Ольги Бытко, Екатерины Белобородовой

Зайцева, Мария.

3-17 Играть в тебя / Мария Зайцева. — Москва : Эксмо, 2026. — 480 с. — (Люблю тебя ненавидеть).

ISBN 978-5-04-232327-0

Оля, уезжая навстречу новой жизни, в вагоне знакомится с Са-
вой — тихим и притягательным попутчиком. Случайная встреча ста-
новится началом истории, способной изменить судьбу.

Сава кажется обычным студентом, который смотрит с восторгом
на самые простые вещи. Оля влюбляется в его искренность и доб-
роту, в то, как рядом с ним все становится настоящим...

Но вскоре идиллия рушится. Как оказалось, внешняя простота
Савы обманчива: Олю втянули в игру, полную интриг и опасностей.
Девушке ничего не остается, кроме как бежать и попытаться наве-
гда забыть любимого. Правда, надежда на спокойное исчезновение
иллюзорна: Симонов не позволит ей уйти так легко.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-232327-0

© Мария Зайцева, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

✦ ПРОЛОГ ✦

Дверь в душевую распахивается именно в тот момент, когда я через голову пытаюсь стянуть с себя влажную от пота майку.

Вот ни раньше, ни позже.

Замираю на мгновение с поднятыми руками, ничего не видя перед собой, — проклятая ткань прямо на лице! Дергаю остервенело майку, но эта зараза ни вперед, ни назад!

— Ого! — Глумливый голос Прокопа узнаю сразу.

Задолбал потому что за эти пару недель до ужаса. Кажется, во сне его скоро видеть буду. Хотя нет. Во сне у меня другой кошмар поселился, и он куда ярче. И агрессивнее. Конкурентов не терпит.

Осознав, что Прокоп сейчас наблюдает мое голое тело, задрапированное лишь в тонкий спор-

тивный лиф, бешусь и еще резче дергаю майку, наплевав уже на опасный треск.

Стягиваю ее через голову наконец-то, но момент упущен.

Прокоп уже прямо передо мной. Да не один, скот! А со своими друзьями: Вадиком и Совой.

Все они — здоровенные парни-баскетболисты, стоят так близко, что приходится задирать подбородок, чтоб посмотреть в их лица.

Я это и делаю, хмурясь и прикрывая мокрым от пота лифчик рукой.

По коже бегут мурашки, взгляды парней слишком уж... Интенсивные.

А в душевых — ни одной живой души.

Я, конечно, не думаю, что они что-то захотят сделать, — это город все-таки, а не дикий лес... Но сама ситуация тупая на редкость.

— Что вам надо? — хмуро спрашиваю я у Прокопа, не сомневаясь, что он инициатор этой дряни.

— Недогадливая, — вздыхает Прокоп, переглядываясь со своими друзьями.

Те, радостно ухмыляясь, кивают послушными болванчиками. У деда на шифоньерке такие стоят, трофейные, он говорил. И бошки у них такие же пустые. Щелкнешь по ним — и звон прямо.

— Ты мне должна, Оленька, — ласково говорит Прокоп и тянет ко мне свою здоровенную лопатообразную ладонь.

Невольно оскалившись, уворачиваюсь и отступаю.

— Кому должна, всем прощаю! — цежу я. — Валите из душевой, пока преподу не пожаловалась!

— Так нет уже Вязанки-то, — улыбается Прокоп, — свалила пару минут назад. Никого тут нет, Оленька. Только ты. И мы.

Я отступаю еще, веду взглядом по сторонам, прикидывая, что можно прямо сейчас подхватить. Потяжелее желательно.

— Слушай, Прокоп, — миролюбиво начинаю я, но придурок меня тут же обрывает:

— Для тебя — Виктор, дешевка!

— Хорошо, Виктор-дешевка, — покладисто соглашаюсь я, — хотя, по-моему, Прокоп как-то лучше звучит... Аутентичнее.

— Ах ты... — рычит он и дергается ко мне, но я настоroje, уворачиваюсь и прыгаю на скамейку, по пути подхватив кроссовку. Она у меня тяжеленькая, один раз качественно по роже вмазать вполне сойдет. А там... Война план покажет.

— Не знаешь такого слова? — наигранно участливо интересуюсь я. — Ай-ай... А ведь вышку получаешь...

— Иди сюда, сука говорливая, я найду, чем тебе пасть заткнуть!

— Не могу, Виктор-дешевка, — вздыхаю я, легко перелетая на соседнюю лавку, ту, что ближе к двери.

Путь отступления я себе уже наметила, теперь главное — разозлить придурков до того, чтоб мозги отрубались от гнева. И это вполне выполнимое дело, потому что мозгов у них в черепушках отродясь не водилось. Чего там отключать-то?

— Я всякую дрянь в рот опасаюсь брать, — продолжаю я, четко отслеживая перемещения парней по душевой, — и тебе не советую! И без того гнилью из пасти несет!

Прокоп матерится, а затем снова резко дергается ко мне!

Он быстрый, гадюка!

Едва успеваю увернуться! И запускаю кроссовкой, четко в лоб уроду!

Он воеет, отскакивает, трет морду.

А я снова двигаюсь к выходу.

Чуть-чуть уже!

И свобода!

Ух, в этот раз я сто процентов в деканат пожалуюсь на них! Твари какие!

— Сова, дверь закрой! — орет Прокоп, разгадав мой нехитрый маневр и вынуждая меня ускориться.

Наплевав на конспирацию и дальнейшие насмешки над туповатыми качками, я срываюсь с места с дикой скоростью, за которую меня Вязанка и взяла в команду легкоатлетов.

И моя задумка даже практически успешна, дверь — вот она!

Но в тот момент, когда я подлетаю к ней, происходят сразу два события: ревуший от ярости Прокоп таки меня настигает, больно цапнув за локоть, а дверь открывается, и на пороге появляется кто-то высокий и плечистый.

С перепуга толком не распознаю, кто это, впечатываюсь с разбегу в крепкую, словно сделанную из камня грудь, а через мгновение, сполна хапнув терпкого, со свежими острыми нотами парфюма, задыхаюсь, машинально пытаюсь отпрянуть, потому что мне лучше к Прокопу в лапы, чем вот к этому!

С Прокопом хотя бы есть шанс договориться, а тут...

Но мои надежды разлетаются с треском, потому что у вошедшего с реакцией полный порядок.

Он легко перехватывает меня за талию и прижимает к себе, распластывая по телу, словно лягушку по стволу дерева, даже пискнуть не успеваю!

Носом утыкаюсь в его грудь, резко выдыхаю, упираясь обеими ладонями, чтоб оттолкнуть... Но даже с места его сдвинуть не могу, само собой! Очень крепкий, гад!

Мое копошение вообще ни на что не влияет, на свободу мне не вырваться!

— Это у нас тут что? — раздается надо мной нарочито ленивый голос, и замираю, чутко распознав в нем знакомые, вызывающие оторопь нотки.

Бли-и-ин... Какого черта, вообще?

Я бы сама разобралась!

— О, привет! — тормозят на полном ходу отморозки. — Да мы тут так...

— Воспитательный момент, — ржет Прокоп.

Каменная грудь напрягается еще сильнее, и я скулю про себя, трусливо зажмурившись.

Блин... Дураки... Валите...

— Воспитательный, — задумчиво повторяет гад, — момент... Ну-ну...

— А у тебя тоже к этой сучке дело? — наивный Прокоп ничего не чувствует. Вот что значит напрочь отбитый инстинкт самосохранения!

— Дело? — снова повторяет этот гад, талантливо притворяясь легким дегенератом.

А он вообще не легкий! Он тяжелый дегенерат!

— Дело... Да.

— Ну тогда мы тебя пропустим вперед! — еще громче ржет Прокоп.

Уй-й... Дурак...

— Вперед... — Да, блин, ты вообще слова все забыл? Только повторять умеешь?

Тут меня отлепляют от жесткого тела, смотрят в глаза.

И я теряюсь в яркой, безумной синеве его взгляда. Как в первый раз, ей-богу. И кто бы говорил про забыть все слова... У меня в голове пуста... Космическая...

— Вот тут постой, хорошо?

МАРИЯ ЗАЙЦЕВА

Меня легко ставят на скамейку рядом с дверью.

Я смотрю на развернувшуюся ко мне широкую спину, на жесткий белокурый загривок, на то, как мягко этот гад ведет плечами, чуть разминаясь...

И обреченно закрываю глаза.

И не открываю их до самого финала, даже крики и мат, а затем стоны мучительные не заставляют смотреть на происходящее.

Малодушно, да, но...

В конце концов, они сами виноваты...

Могли бы и отпустить...

И вообще, неизвестно еще, кто сильнее вперся, я или они.

✦ ГЛАВА 1 ✦

Странный парень

Оля

Месяц назад

Пирожок в татуированной лапе соседа по креслу в сидячем вагоне поезда выглядит подозрительно. Сам парень, кстати, еще подозрительнее...

Дед учил держаться подальше от мужиков с татуировками. Особенно с такими... Правда, у самого деда тоже татуировок хватало, ну так он и не образец для подражания, конечно... Так что сто процентов знал, о чем предупреждал.

И я всегда к его словам прислушиваюсь, потому что дед плохого не посоветует. Но вот сейчас...

Впрочем, я же не собираюсь с соседом общаться?

Я просто посмотрю.

Смотреть-то никто не запрещал?

Он сел ночью на следующей станции после моей, в Краснодаре. Бухнулся в кресло напротив, разбудив уже задремавшую меня.

Спросонья я только обратила внимание, что он какой-то большой, и покрепче перехватила рюкзак. На всякий случай. Конечно, брать у меня особенно нечего: деньги я в вещах, которые могут быть потерянными, забытыми или вырванными из рук, никогда не держала, но все равно. Дернет рюкзачок, жалко... У меня сейчас финансовое положение не позволяет новый купить...

Упрятав рюкзак подальше от возможного покушения, я снова закрыла глаза. Но уснуть никак не получалось. Сосед все не мог успокоиться, крутился, устраивался в кресле поудобней, матерился вполголоса, и прямо-таки чувствовалось, что ему все неудобно и раздражает.

Наконец не выдержала женщина, сидящая рядом с ним:

— Да хватит возиться уже! — проворчала она. — Прямо шило в одном месте у тебя!

Сосед тут же перестал двигаться, уставился на женщину, как мне показалось, с изумлением. Словно не поверил, что это к нему обращаются.

— И не блямкай тут зыркалами. — Соседка чутко уловила интерес к своей персоне и не оставила его без внимания: — А то пожалуюсь проводнику на тебя.

Она повозилась чуть-чуть, умащивая свои необъятные телеса в кресло, и приказала изумленному соседу:

— Спи.

Он помолчал, подумал... Белки глаз блестели в полумраке вагона... Я видела только очертания его лица, очень нечетко, да и не всматривалась особо. Просто от него прямо-таки исходила волна непонимания и удивления, настолько явная, что я невольно улыбнулась. Забавный такой. Словно никогда в поезде не ездил...

Он коротко резанул по мне взглядом, и я едва не вздрогнула, выдавая себя. Блин, так неловко будет, если заметит, что рассматриваю...

Но сосед не задержал взгляд на мне, прошелся дальше, по лицам других людей, по обстановке вагона, потолку, полу... Едва слышно вздохнул... И откинулся на сиденье, закрывая глаза.

За ночь я в полусне отмечала, что он вставал, выходил, возвращался, опять умащивался... И так несколько раз.

А утром долго и с удивлением изучала развалившегося в неудобном кресле парня. Он спал, откинув голову назад, и татуированная шея его неловко изгибалась.

Я смотрела, смотрела...

И все больше мне было странно.

Наряд какой-то нелепый... Широкие рваные джинсы, словно краской заляпанные, с карма-

нами, кучей каких-то нашивок разных цветов. Темная майка, открывающая полностью забитые татуировками широкие плечи и массивные руки. Цветные браслеты на запястьях, плетеные, разномастные... Он что, этот... как его? Дитя цветов? Хиппи? Дед говорил, что были такие в семидесятых...

Лицо парня было скрыто белой кепкой.

Он спал, широкая грудь мерно поднималась и опускалась.

И я, немного загипнотизированная этим спокойным медитативным движением, все не могла оторвать от соседа взгляда.

А затем он, словно ощутив, что на него смотрят, резко вскинулся и сел ровно. Снял кепку и прищурился прямо на меня.

Его глаза, неожиданно светлые и безумно яркие, тут же вогнали меня в краску. А само выражение их... Он как-то так смотрел, изучающе, с легкой иронией и откровенным интересом, что я не выдержала, резко поднялась с места и, прихватив рюкзачок, торопливо пошла в тамбур.

Сердце билось дико, щеки краснели, губы словно налились кровью. Я вообще не могла понять, что со мной происходит.

Ну парень, да.

Красивый?

Да... Несмотря на все эти дурацкие прибамбасы, красивый.